

и Лаврентьевской. В слове „сбруя“ находим раз „здебрую“, второй „збрую“. Надо отметить и диалектные формы имен собственных — Владимир Всеслаевич, Косьтянтин, а также формы наречий: „толды“ и „колды“, „нынеча“.

Из морфологических особенностей наиболее яркими являются окончания прилагательных, на которые мы указали, говоря о проявлении оканья. Это окончания род. пад. ед. числа муж. и ср. рода на *ого* и *ово*: „бѣлово“ стр. 6, „одново“ стр. 6, „другово“ стр. 40, „великого“, „киевского“ стр. 17, „красного“ стр. 7 и т. д. Именительный пад. м. р. ед. ч. на *ой*: „славной“ стр. 19, „всякой“ стр. 40; именит. пад. мн. числа — *ые* и *ыя*: „богатыри недобрыя“, стр. 8, „палицы вязовые“ стр. 11, „вѣсти прямые не измѣнные“ стр. 13, „сряды богатырския“ стр. 14, „калики перехожия“ стр. 10, 24, „калики перехожие“ стр. 17, „каличные гласы“ стр. 16, „лошади царския“ (2 раза) стр. 24, „простые лошади“, „богатырские лошади“ (3 раза) стр. 24 и 25. В окончаниях существительных живы еще старые формы. Так, в суц. муж. рода с мягкой основой сохраняется окончание — *ем* в дат. мн. числа; в тексте мы находим только: „богатырем“, „своимъ товарищемъ“. Единственным отступлением является: „идуть к своимъ добрымъ конямъ“. В женском роде дат. пад. мн. числа и „к речем“ стр. 15, и „по рѣчамъ“ стр. 16; тв. пад. м. р. мн. ч. „сторожеми“ стр. 3, „сторожами“. Отметим и местоимения „тобя“, „собя“, „тобѣ“, „собѣ“ наряду с „тебя“, „себя“, „тебѣ“, „себѣ“.

Из глагольных форм наиболее последовательным в тексте является *infinitiv* на *ти*: „изгубити“ стр. 2, „отехати“ стр. 6, „класти“ стр. 6, „ждати“ стр. 8, „покинути“ стр. 6, „молитися“, „быти“ стр. 33, „стеретчи“ стр. 5, 8, „поберетчи“ стр. 6, и т. д., хотя встречается и *infinitiv* на *ть*: „жить“, „слыть“ стр. 3, „стоять“, „чинить“ стр. 12, „отвѣдывать“ стр. 13, но редко. Прошедшее время в „Сказании“ — это *perfekt* без связки, за исключением пяти случаев: 1) 2-го лица множественного числа: „и вы б нынеча никуды не розежались берегли бы естя града киева“ стр. 2; 2) 1 лица мн. числа: „А похвалу есми видели твоих богатырей“ стр. 35; „а грубили есмя твоему недругу царю Костянтину... убили есмя у него со 42 богатырей“ стр. 40, „и молвили есмя...“ стр. 43.

В первом случае „*естя*“ сохраняется потому, что в обращении оно поддерживается традицией; традиционное обращение с „*естя*“, „*еси*“ мы находим и в „Сказании“, когда „*естя*“ уже утратило свой смысл связки: „ой *естя* богатыри илья муромецъ с товарищи не пригож вамъ в тѣ поры проч отехати“ стр. 5—6; „говорить илья муромецъ своимъ товарищемъ: *государи естя* мои товарищи, чѣмъ тѣх богатырей на собя ждати“... стр. 8.

Несмотря на незначительность отразившихся в „Сказании“ особенностей произношения, можно высказать предположение, что они не характерны для памятников московских, хотя в числе их и есть случаи аканья. Московские памятники в окончаниях прилагательных род. п. м. и ср. р. в ед. ч. обычно имеют — *ова*, — *ава*, а не — *ово*, — *ого*, как в „Сказании“; обычна в них приставка — *раз*, а не *роз*: *infinitiv* на — *ть*, а не — *ти*; после шипящих в безударном положении *e*, а не *a* — учили, слышали, а не учали, слышали; наконец, *infinitiv*: поберетчи, стеретчи в „Сказании“ указывает на произношение, не свойственное московскому говору, поскольку он отразился в письменных памятниках.

Решающим в данном случае представляется вопрос о лексическом составе памятника. В „Сказании“ есть слова, давно обратившие на себя внимание исследователей: это „шкапа“ и „шата“. К ним прибавим несколько других. Слово „шкапа“ — польское *szkapa* употреблено в „Ска-